

Ин Цинъян и сам находил свою пламенную тираду на редкость трогательной. По его расчетам, любой слушатель должен был проникнуться сочувствием к его горькой доле и хоть на миг замороженно замереть, любясь безупречным профилем юноши, который тот благоразумно подставил свету под самым выигрышным углом.

Однако Великий наставник Цзян, опекавший юношу с малых лет, слишком хорошо знал своего подопечного. Он давно не питал иллюзий насчет того, что за фрукт этот единственный уцелевший принц некогда Великой Ин.

Даже не моргнув, наставник молниеносно перехватил руку Цинъяна, воровато тянущуюся под столом к стопке медных монет.

Напускная улыбка Ин Цинъяна тут же погасла, а заготовленный блеск в глазах сменился кислой миной.

«Какая досада, — мысленно вздохнул он. — С Великим наставником подобные уловки никогда не проходят»

Великий наставник Цзян вырастил Цинъяна своими руками. Стоило паршивцу лишь повести бровью, как старик уже знал: этот проныра замышляет очередную каверзу.

Окажись они в прежней столице, господин Цзян стал бы законным Великим наставником наследного принца, на чьи плечи легла бы священная обязанность — воспитать из Его Высочества мудрого и великого монарха.

Вот только единственный уцелевший принц павшей Великой Ин уродился на редкость безнадежным лоботрясом — без капли благородных амбиций и величия духа.

Без пяти минут двадцатилетний, он не преуспел ни в науках, ни в ратном деле, не знал ни смирения, ни сострадания. Он рос дикарем в глухой провинции Цюнчжоу. Единственным, что выдавало в нем благородное происхождение, оставалась утонченная, редкая красота. Одного взгляда на юношу хватало, чтобы понять: эта изящная статья никак не вяжется с суровостью ледяных Северных земель.

Если не брать в расчет смазливое личико, похвалиться принцу было нечем, кроме разве что на редкость подвешенного языка. Любую чепуху он умудрялся расписать столь живописно, что в два счета затуманивал собеседнику разум. Стоило ему захотеть, и он мог обвести вокруг пальца кого угодно.

Из его уст любая ложь лилась столь складно и убедительно, что пробивала на слезу самых черствых людей. Лишь Великий наставник Цзян обладал достаточной проницательностью, чтобы видеть насквозь все хитросплетения в голове своего подопечного.

За двадцать с лишним лет в самом пекле придворных интриг Цзян Юньчжи навиделся всякого. Он умел читать людей как открытую книгу, а потому истинную суть Ин Цинъяна разгадал без труда.

«У дракона девять сыновей, и ни один не похож на другого», — гласит старая пословица. Будь на то воля небес, Цинъяну стоило бы родиться праздным удельным князем и всю жизнь почивать на лаврах. Заботы о государстве и судьбы подданных трогали его сердце куда меньше, чем запеченная в глине курица, которую он на днях умудрился выманить у нищего на околице.

Увы, от некогда грозной империи Ин остались лишь этот горе-наследник, горстка престарелых сановников, успевших сбежать из полыхающей столицы, да крохи императорской казны — золото и самоцветы, которые за двадцать лет изгнания почти полностью иссякли.

Рожденный не в то время, заложник предначертанного рока.

Великий наставник беззвучно вздохнул.

Цинъян, разумеется, понятия не имел, о чем горюет старик. Но то, что его «безупречный» маневр раскусили в одно мгновение, уязвило его самолюбие.

— Ох, ну и лютый же мороз! Руки так окоченели, что пальцы не слушаются, ха-ха-ха... — попытался он неуклюже выгородить себя.

— Хм-м, — сухо отозвался наставник Цзян. Он бесцеремонно отвел вороватую ладонь воспитанника от лежащих на столе денег. Жалобная тирада не тронула его ни на йоту. — Что ж, Вашему Высочеству и впрямь не помешает согреться.

С этими словами старик швырнул ему подвернувшуюся под руку звериную шкуру — подношение от какого-то местного охотника.

— Да ну эти деньги, прах земной, — кашлянул Цинъян, моментально переменившись в лице. Он принялся бережно разглаживать мягкую оленью кожу. — Даже в лесах горы Цюн не сыщешь шкуры такой отменной выделки. Чудеса, да и только! Не думал, что в этой глуши водятся столь умелые мастера.

Поселение ютилось в стороне от главного хребта горы Цюн. На многие мили вокруг тянулась унылая пустошь, оживляемая лишь редкими почтовыми станциями да небольшим ярмарочным городком на перекрестке дорог.

Сами беглецы укрывались у подножия горы Цюн. В их полузаброшенной деревне едва теплилась жизнь: горстка крестьян, выживавших за счет охоты, да они сами — незваные гости в этих суровых краях.

Девятнадцать лет назад, когда рухнула столица Великой Ин, Ин Цинъян был еще младенцем в колыбели. Преданные слуги династии чудом спасли его из горящего дворца. Скитаясь по стране и скрываясь от ищеек новой власти, они в конце концов нашли приют в самом глухом ущелье горы Цюн.

Опасения принца были не напрасны. Откройся его происхождение ищейкам новой империи Великой Лян, кара обрушилась бы на каждого, кто был с ним связан. Пощады не получил бы никто.

Проклятие монаршей крови лишило его нормального детства: преданные старцы боялись выводить мальчика в людные места. Лишь когда Цинъян возмужал, а вывезенная из дворца казна окончательно опустела, Великому наставнику Цзян пришлось заняться преподаванием в окрестных селениях. Он брал принца с собой, тщетно надеясь привить тому хоть каплю тяги к знаниям.

Увы, плодов это не принесло.

Ин Цинъян с детства обожал всякие диковины. Цюнчжоу лежал у самой границы, здесь процветала торговля, и на шумных приграничных рынках у юноши буквально разбегались глаза. Чем больше он видел, тем сильнее разгорались его аппетиты.

Великий наставник всеми силами пытался умерить его страсть к мотовству, а потому в последние годы держал принца в узде, сурово ограничивая в расходах.

И хотя для остальных соратников молодой господин оставался драгоценным сокровищем, последней надеждой династии, Цзян Юньчжи спуска ему не давал, твердо блюдя свой долг.

Вот и сейчас, отдав оленью шкуру, старик без лишних слов выудил из кошелька воспитанника несколько медных монет в счет уплаты.

Принц покрутил в руках шкуру, мысленно прикидывая, выгодная ли вышла сделка.

Пересчитав уцелевшую мелочь, Цинъян с тоскливым вздохом спрятал кошелек за пазуху.

Из-за давешней попытки воровства старик больше не подпускал его к вещам, боясь, как бы пронырливый мальчишка не умыкнул еще чего из их скудных пожитков.

Маясь от безделья, Цинъян заложил руки за спину и принялся слоняться по полуразрушенному залу храма, дожидаясь, пока наставник закончит сборы.

Наконец он замер перед древним, расколотым надвое изваянием. Оглядев его с головы до ног, он не утерпел и протянул руку к шероховатому камню.

Судя по сколам, по статуе некогда ударили тяжелым клинком, а затем добили железным ломом. Голова раскололась надвое, и этот раскол обнажал странный лик божества: левая половина лица плакала, правая — улыбалась. На одном осколке застыло бескрайнее горе, на другом — вековое милосердие.

Эта изувеченная древность по-настоящему заинтриговала принца.

Мало того, все убранство святилища несло на себе следы былой резни: курильницы, светильники, потолочные балки и даже сами двери были иссечены глубокими шрамами от ударов мечей.

Время и сырость превратили камень в труху. Стоило принцу пригнуться и легонько коснуться края трещины, как от нее с сухим шорохом отвалился кусок породы.

Он не успел толком ничего разглядеть, как за спиной раздался гневный окрик наставника:

— А ну отойди оттуда, паршивец! — прикрикнул на него Великий наставник. — Имей хоть каплю почтения!

— Да ладно вам, — забормотал Цинъян, неохотно отдергивая руку. — Уж больно любопытный идол...

— Сами ведь только что толковали, будто мое имя не несет никакой беды. С чего вдруг вы так заволновались при виде какого-то булыжника?

— Вы без тени страха устроили в божьей обители школу, а теперь пугаете меня карами небесными?

Старик туго затянул узел на дорожной суме и сердито зыркнул на воспитанника. К вящему удивлению Цинъяна, колкость наставник проглотил — возразить ему действительно было нечего.

Вместо этого он сухо приказал собирать пожитки: пора было возвращаться в горы.

Ин Цинъян выкатил из-за храмовых построек тележку, запряженную осликом. Они неспешно двинулись в путь по грунтовой тропе, петлявшей между холмами. Лишь когда обитаемые места остались позади и дорога опустела, Великий наставник медленно погладил седую бороду и заговорил негромким, торжественным голосом:

— Тот расколотый идол зовется Статуей Скорби и Радости, — начал он. — Некогда этому божеству поклонялись по всей стране. В годы наивысшего расцвета Великой Ин едва ли не половина наших подданных держала его лик в своих домах...

Как водится у всякого культа, вокруг этого божества громоздились тонны небылиц. Наставник излагал легенду долго и витиевато, со свойственным ему книжным пафосом, но Цинъян быстро вылушил суть: если человек, познавший предельную скорбь или величайший восторг, помолится перед этим алтарем, любое его чаяние исполнится.

«Чистой воды сектантство, — мысленно фыркнул принц»

И все же суеверия пустили слишком глубокие корни в этих землях. Зародившись еще во времена Великой Чжоу, вера в потустороннее достигла апогея при Великой Ин. И пусть с воцарением новых правителей старые верования пришли в упадок, за прошедшие годы народная тяга к гаданиям, астрологии и древнему колдовству никуда не делась. Изжить эти предрассудки за пару десятилетий было невозможно.

В былые времена при дворе Великой Ин жрецы и звездочеты нередко вершили судьбы государства. Иные из них возвышались до первых министров, обретая власть, уступавшую разве что императорской.

А зародилось это безумное почтение еще у истоков Великой Ин.

В те стародавние времена, когда Поднебесную раздирали междоусобицы, далекий предок Цинъяна провозгласил себя удельным князем. Благодаря полководческому таланту он быстро стяжал славу, но тем самым обрек себя на зависть соседей. Враги объединились против него, зажали малочисленное войско в тиски и едва не похоронили в землях Шу.

Чудом вырвавшись из окружения, он остался с горсткой изнуренных воинов, без провизии и всякой надежды на спасение.

Оказавшись на краю гибели, князь укрылся в полуразрушенном храме бога земли. Едва он склонился в отчаянной молитве, как свершилось чудо: среди бела дня грянул гром, молния расколола алтарь, а под треснувшими плитами пола обнаружился древний клад, набитый золотом и самоцветами.

Благодаря этой «небесной милости» князь вновь собрал армию, разгромил неприятелей и объединил Поднебесную, основав великую династию Ин.

До самого падения империи эта легенда передавалась из уст в уста. Уверовав, что сама судьба благоволит его роду, основатель династии принял фамилию Ин — «Откликающийся на волю Небес», а государство нарек Династией Ин, уповав на вечное покровительство богов.

Цинъян, впрочем, не спорил.

Раз уж Небо призвало их править, то когда оно решило забрать долг, династия рухнула в одночасье. Быстро и безжалостно.

Ирония судьбы заключалась в том, что единственный уцелевший потомок этого «божественного» рода плевать хотел на волю богов и ни во что не ставил старинные предания.

Впрочем, здешний люд по-прежнему цеплялся за древние обряды, словно за застарелую привычку. Пусть в их молитвах убавилось искреннего трепета и прибавилось безразличия, привычный уклад искоренить было не так-то просто.

Цзян Юньчжи и сам не был безбожником. Но выбирая между насущным хлебом и подношениями невидимым небесным покровителям, старик проявлял завидное здравомыслие и неизменно выбирал первое.

Человек, который столь же истово презирал заигрывания с богами, во всей империи нашелся бы разве что один.

Слава о нем гремела повсюду, но судьба до сих пор берегла их от встречи.

На мгновение принц ушел в себя.

К счастью, стоило Великому наставнику начать лекцию, как его было уже не остановить, и он не заметил секундного замешательства ученика. Вскоре его исторический экскурс перерос в привычные гневные обличения:

— Когда этот безумец провозгласил свой указ об уничтожении святынь, — вещал старик, — не будь у него за спиной тридцати тысяч верных клинков, Великая Лян захлебнулась бы в крови еще на третьем году своего существования!

— И пусть ныне от некогда великих орденов уцелели жалкие крохи, они по-прежнему несут в себе семена великой смуты.

— Спесивый глупец, жаждущий легких побед! Разве гоже подобному упрямцу править Поднебесной?

Старик распалялся все сильнее, его седая борода мелко дрожала от негодования.

Следом за этим посыпались привычные обвинения в адрес реформ, которые узурпатор навязал стране за десять лет своего правления.

Цинъян поначалу слушал старика вполоборота, но едва речь зашла о злейшем враге, как его лицо скривилось, точно от зубной боли.

Под «этим безумцем» наставник подразумевал Сверх-императора Великой Лян, которого старейшины прочили принцу в заклые враги.

Если они мечтали о возрождении империи, этот человек должен был умереть первым.

Сам же Ин Цинъян, как недобитое отродье павшей династии, виделся нынешней власти вечной угрозой.

Разные судьбы, враждебные лагеря. Казалось, им суждено было сойтись в смертельной схватке, где выживет лишь один.

Но если отбросить предвзятость, летопись новой империи поражала воображение. После падения Великой Ин страна захлебнулась в хаосе усобиц, пока будущий Сверх-император не стер в порошок соперников. Взойдя на трон, он железной рукой навел порядок, обновил законы, доверил власть достойным и всего за три года вдохнул жизнь в истерзанные войной провинции.

Правда, затем его политика сделалась куда более крутой и порывистой, и беспощадная война с древними культами была лишь началом.

Не веря в божественные кары, правитель бросил легионы на штурм монастырей, приказав сравнивать с землей каждую обитель в империи. Два года продлилась эта безжалостная чистка, выжегшая старую заразу каленым железом.

Ин Цинъян, услышав об этом впервые, готов был рукоплескать узурпатору.

Зато наставник и прочие уцелевшие сановники исходили желчью. В любом шаге врага они умудрялись находить изъяны с такой поразительной мелочностью, что Цинъян диву давался.

Поведение престарелых изгнанников напоминало брюзжание сварливой тещи, вечно недовольной зятем. Тетушка Ван, державшая лавку у околицы, и та выказывала больше здравого смысла.

Недаром Цинъян прослыл несносным смутьяном: чем сильнее старики поливали узурпатора грязью, тем больше принц им восхищался — исключительно из вредности.

С его точки зрения, династия Ин никакой милости Небес отродясь не знала. Настоящим избранником судьбы был именно этот Сверх-император.

В конце концов, он поднял мятеж в Северных землях шестнадцатилетним юнцом, а сегодня, в десятый год эпохи Цзинхэ, едва отпраздновал тридцатилетие.

Однако Великий наставник упорно отказывался замечать очевидное, ослепленный застарелой злобой.

—...Если когда-нибудь тебе доведется вершить судьбы государства, помни: поспешность губительна...

Тоска смертная.

Принц мысленно взвыл от скуки.

На лице юноши не дрогнул ни один мускул. Он молча сжимал вожжи, старательно изображая примерного возницу.

Верность покойному престолу и пламенный патриотизм наставника заслуживали уважения. Любого другого его слова проняли бы до слез, но Ин Цинъян вырос под аккомпанемент этих жалоб. У него давно выработался стойкий иммунитет к нравоучениям, и он умел прикидываться глухим с поразительным мастерством.

Раз уж наставник поймал волну, мешать ему не стоило. Принц покорно поддакивал и кивал в такт чужим словам, изображая примерного ученика.

Но такое кроткое поведение воспитанника лишь встревожило старика.

«Молчит и даже не огрызается? Дело нечисто, — с подозрением подумал старик»

Он сощурился и уставился на юношу подозрительным взглядом.

Заметив это, Ин Цинъян лукаво ухмыльнулся:

— Слыхали бы вы себя, учитель, — хмыкнул Цинъян. — Если бы не указ о разрушении храмов, где бы вы сейчас бесплатно читали свои лекции? Разве не справедливо было бы отдать узурпатору половину нашей платы за учение?

— Мерзавец! — задохнулся от возмущения старик, заливаясь краской. — Какую чушь ты несешь!

Принц залиvisto расхохотался. Схватив лежащий под рукой кнут, он замахнулся и щелкнул им в воздухе. Упрямый ослик мигом припустил веселой трусцой, и повозка покатилась быстрее.

Наставник едва удержался на лавке. Судорожно вцепившись в борт телеги, он испустил истошный, на редкость громогласный вопль:

— Ничтожество! Истинно говорят — сиволапого учить, только портить!!!

<http://bllate.org/book/19722/1950622>